

Круговорот людей и книг

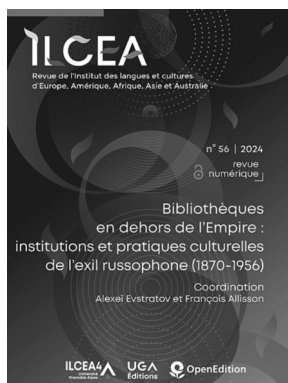
DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_379

ILCEA. Bibliothèques en dehors de l'Empire: institutions et pratiques culturelles de l'exil russophone (1870—1956) /

Sous la direction de François Allisson et Alexeï Evstratov.

2024. — № 56. — 206 p. — (En ligne).

Тематический номер журнала, издаваемого Институтом языков и культур Европы, Америки, Африки, Азии и Австралии (Университет Гренобль-Альпы), «Библиотеки за пределами империи: институты и культурные практики русскоязычной эмиграции (1870—1956)» соответствует нескольким тенденциям современных гуманитарных исследований: восприятию культурно-исторического феномена русского зарубежья как части транснациональной истории; вниманию к истории культурных институций, отражающей судьбы конкретных людей и политические веяния времени; интересу к культуре повседневности.

В выпуске представлены результаты исследовательского проекта, идея которого родилась из работы Алексея Евстратова и его коллег над русскоязычным фондом Кантональной и университетской библиотеки Лозанны. В основу современного фонда RU легла коллекция Русской библиотеки Лозанны¹ (РБЛ) — городской библиотеки русской колонии, существовавшей в качестве самостоятельного учреждения с начала XX в. до 1955 г. К проекту, изначально ориентированному на столицу кантона Во, подключились исследователи, интересующиеся различными «славянскими библиотеками в изгнании» (с. 9), что привело к расширению географии.

В результате можно говорить о двух разделах выпуска: первый объединяет четыре статьи, авторы которых анализируют историю и состав фондов Русской библиотеки Лозанны, во втором рассматриваются русскоязычные библиотеки Лезена, Праги и Парижа. Участники проекта, с одной стороны, выводят из забвения совсем неизвестные и малоизученные организации, с другой — находят новые ракурсы для рассмотрения учреждений, не обделенных исследовательским вниманием (Тургеневская библиотека в Париже², Славянская библиотека в Пра-

- 1 Заметим, кстати, что некоторые издания со штампом этой библиотеки оказались в Москве — в отделе специальных коллекций Центра социально-политической истории (филиала Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ)). См.: *Слепнева С.П.* Русские эмигрантские библиотеки по штампам коллекции запрещенной и нелегальной печати конца XIX — начала XX вв. в Государственной публичной исторической библиотеке // *Экслибрисы как информационный ресурс для изучения книжной культуры: Всерос. науч.-практ. конф.: Материалы.* М.: Международный союз общественных организаций книголюб-ов, 2021. С. 285.
- 2 См., например: *Шаховской Д.М.* Тургеневская библиотека и ее деятельность // *Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940: В 2 кн. / Под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского.* Кн. 2. М.: Наследие, 1994. С. 459—469; *Grimsted P.K.*

ге³). При этом практически все авторы в своих изысканиях задействуют новонайденные архивные материалы.

Заявленные в заглавии хронологические рамки (1870—1956) помимо библиотечных событий (основание в 1870 г. Русской библиотеки в Цюрихе и прекращение деятельности РБЛ в 1955 г.) соотносятся с событиями европейской истории и тенденциями в хронике ссылок и эмиграций из России (нижняя граница — поражение Парижской Коммуны в 1871 г. и превращение Швейцарии в «нервный центр социалистического и революционного мира» (с. 5), верхняя — Венгерское восстание и холодная война, ограничившая неконтролируемые перемещения между противостоящими друг другу блоками). Эти рамки, однако, несколько сдвинуты по отношению к реальному содержанию статей — исследования посвящены становлению и развитию библиотек на протяжении XX в.; несколько схематизируя, можно сказать, что в поле зрения авторов оказываются два потока выходцев из России: студенты (студентки) и политические ссыльные, составлявшие заметную часть русской диаспоры в начале XX в. (к этому времени тяготеют, хотя не ограничиваются им, «швейцарские» статьи номера), и эмигранты первой волны (они в той или иной мере становятся действующими лицами остальных статей).

Номер открывается развернутым введением, авторы которого (кураторы проекта — Алексей Евстратов и Франсуа Аллиссон) представляют читателю историко-культурный контекст (по крайней мере, относительно «швейцарской» части) и отчасти резюмируют материалы выпуска. В частности, они выстраивают типологию рассматриваемых библиотек, заметно отличающихся способом организации, целевой аудиторией и ролью в жизни сообщества, и определяют специфику исследовательских источников (важное место в их ряду занимает библиотечная документация и книга как материальный объект, сохраняющий следы перемещений и использования). Среди особенностей «библиотек в изгнании» авторы предисловия отмечают размывание границ между традиционно отдаленными друг от друга фигурами: читателями, библиотекарями, дарителями, создателями библиотек, что позволяет исследователям обращаться как к знаковым персонам (Н.А. Рубакину, В.Н. Тукалевскому), так и к рядовым участникам процесса, зачастую остающимся «анонимами» для историков.

Представленный во введении обзор библиотек, основанных в «русских колониях» Швейцарии в последней трети позапрошлого века — от Русской библиотеки в Цюрихе, ставшей ареной борьбы бакунистов и лавристов (судьбу ее — быть предметом раздора между представителями разных политических партий — отчасти повторила и Русская центральная библиотека в Женеве), до библиотек Берна и Базеля, — создает необходимый фон для восприятия работ первого раздела, авторы которого стремятся реконструировать разные стороны деятельности РБЛ.

В целом логика расположения статей, посвященных РБЛ, — «от общего к частному». В публикации Андреа Кантинотти «От Русской библиотеки Лозанны к фонду RU: перечитывая локальную историю» прослеживается история библиотеки на протяжении XX в., отразившая сложные перипетии российско-швейцар-

The Odyssey of the Turgenev Library from Paris, 1940—2002: Books as Victims and Trophies of War. Amsterdam: International Institute of Social History, 2003 (на русском языке существует более краткий вариант: *Гримстед П.* Тургеневская библиотека в Париже: книги как жертвы и трофеи войны // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом. Материалы междунар. науч.-практ. конф. 29—30 октября 2003 года. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322—342).

3 См.: *Babka L.* Slovanská knihovna 1924—2024 (Průvodce po dějinách, fonděch a službách). Praha: Národní knihovna České republiky, 2023.

ских политических отношений. Автор уделяет внимание и РБЛ, функционирующей в качестве отдельного учреждения, и судьбе ее коллекции после передачи в Кантональную и университетскую библиотеку в 1955 г. *Наталья Боярская* («Русская библиотека в Лозанне: ее история и читатели») сосредоточена на раннем этапе существования библиотеки. В основу ее исследования ложится работа с изданиями коллекции фонда RU до 1955 г., содержащими различные «владельческие инскрипты, читательские маргиналии, штампы библиотек, магазинов, переплетных мастерских, находки в книгах, зашифрованные послания, детские рисунки»⁴ (с. 43). Кроме того, Н. Боярская представляет описание самого фонда RU — как его состояния на сегодняшний день, так и коллекции, перешедшей от РБЛ. Существенную часть разнородного собрания составляют произведения русских и зарубежных классиков, а также литература дореволюционной и белой эмиграции. Среди отличительных особенностей РБЛ исследовательница отмечает наличие отдела детской литературы, которому посвящена статья *Анны Димьяненко* «Детская книга в Русской библиотеке Лозанны: содержание коллекции и контекст ее формирования». Охарактеризовав жанрово-тематический состав отдела (в основном это приложения к журналам и книги научно-популярной тематики) и выделив количественно преобладающих авторов, Димьяненко сравнивает взгляды Н.А. Ульянова и Н.А. Рубакина на детское чтение и систематизацию детских книг. И наконец, в публикации *Даниэль Тозато-Риго* «Документ. Неизданные протоколы Русской библиотеки Лозанны за 1907 год» представлены обнаруженные исследовательницей в архиве кантона Во и частично расшифрованные Н. Боярской «Протоколы заседаний библиотечного комитета № 2 с 5 марта 1907» (опубликована часть протоколов за период с 5 марта по 23 мая 1907 г.). Эти документы относятся к библиотеке-читальне русской колонии, превратившейся со временем в РБЛ. Протоколы наглядно представляют рутинную деятельность членов комитета, занятых разнообразными вопросами, связанными с арендой помещения, организацией переезда, финансовой отчетностью, выпиской книг и периодических изданий и т.д. (Очень любопытным кажется содержащийся в протоколах список заказанных книг, в конце которого, между Гамсуном и политическими изданиями, затесалась трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист».)

Описание характера коллекции или изложение событийной канвы, если речь идет об истории библиотеки, как правило, дополняется обращением к знакомым для судьбы РБЛ фигурам. В частности, А. Кантинотти освещает деятельность М.Ю. Морозова, в качестве представителя библиотеки подписавшего дарственную в пользу Кантональной и университетской библиотеки Лозанны, и Ж. Дессона — в прошлом делегата Комитета Красного Креста, заботившегося о фонде RU с 1957 по 1973 г. Работа Н. Боярской с архивом увлеченного библиофила и известного геофизика Н.А. Ульянова, автографы которого встречаются на нескольких изданиях фонда RU, не только позволяет говорить об активном участии последнего в жизни РБЛ в 1920-е гг., но и свидетельствует о взаимодействии между библиотекой Лозанны и Русского заграничного исторического архива в Праге. Сквозным персонажем всех статей первого раздела (и не только их) оказывается знаменитый библиотеквед и библиограф Н.А. Рубакин. При том, что напрямую он не был причастен к работе РБЛ, его книги занимали не последнее место в коллекции, а его идеи и совместная работа с Ульяновым, как показывает Димьяненко, отразились на формировании фонда РБЛ.

4 Интересно сопоставить проведенный Н. Боярской анализ библиотечных штампов с наблюдениями С.П. Слепневой (*Слепнева С.П.* Указ. соч. С. 281). Судя по всему, в филиале ГПИБ оказались издания тех же политических «библиотечек», что и в фонде RU.

Не менее важно, что представленные статьи проливают свет на деятельность куда менее известных персон — членов русской колонии, в качестве читателей или организаторов задействованных в жизни библиотеки (с этой точки зрения особенно выразительна публикация Тозато-Риго).

Обращение к одной теме и одним источникам делает неминуемым пересечения в исследовательских поисках, однако речь идет не о повторениях (хотя без них не обходится) — статьи уточняют, дополняют и продолжают друг друга: персонажи, вскользь упомянутые одними авторами, становятся главными героями в изысканиях их коллег; едва затронутые темы разворачиваются в полноценные сюжеты.

Завершая описание «лозаннского» блока, мы, однако, не выходим за границы Швейцарии. Статья *Евы Маурер* «Русское благотворительное общество Лезена и его библиотека» посвящена истории объединения, штампом которого отмечено примерно 300 изданий в коллекции редких книг Швейцарской восточноевропейской библиотеки. По предположению исследовательницы, это малая часть обширной библиотеки, существовавшей в начале XX в. при русской общине в Лезене. История библиотеки, активно развивавшейся в 1907—1914 гг. и расформированной после Второй мировой войны, пока восстанавливается только в общих чертах и лишь гипотетически. Что касается самого Общества, то — созданное во многом по образцу аналогичной организации в Давосе (ставшем центром лечения туберкулеза несколько ранее Лезена) — оно имело более длительную, хоть и прерывистую «биографию». Деятельность его, угасшая после 1916 г., была возобновлена в конце 1920-х гг. (и продолжалась до 1965 г.) стараниями Анны Линден и Веры Носенко — медицинских работниц лезенского санатория, получивших образование в Лозанне (о том, что именно жаждущие высшего образования девушки составляли существенную часть русской колонии в Лозанне, неоднократно упоминалось в предыдущих статьях — тем интереснее узнать о судьбе бывших студенток).

Героем статьи *Стефани Сирак* «Библиотека Владимира Тукалевского. Изгнание и его формы: от Териоки до Праги (1913—1936)» становится известный собиратель книг, архивист, первый директор пражской Славянской библиотеки В.Н. Тукалевский. Его судьбе посвящена внушительная монография М. Магидовой⁵, потому новизна рассматриваемой работы состоит не столько в привлечении новых фактов, сколько в заострении проблемы «изгнание vs интеграция». Эта дилемма приложима и к перевезенной из Териоки в Прагу коллекции, несколько раз сменившей свою институциональную принадлежность, прежде чем стать частью Славянской библиотеки, и тем более к ее владельцу. Разочаровавшись в совместной деятельности с собратьями-эмигрантами, В.Н. Тукалевский включился в работу над развитием славистики, поддерживаемую Министерством иностранных дел Чехословакии (Сирак отмечает политическую подоплеку этой поддержки). В частности, он был единственным эмигрантом в состоящей из ученых и дипломатов Культурной комиссии при МИД Чехословакии, протоколы заседаний которой рассматривает автор статьи. Иллюзорность успешной интеграции в жизнь принявшей ученого страны трагически проявилась в 1936 г.: обвиненный СССР в причастности к троцкистскому заговору, он не мог получить должную защиту от МИД Чехословакии, так как не имел гражданства республики.

Три последние статьи посвящены библиотекам Парижа, разнящимся во всем — от причин и обстоятельств создания до степени изученности.

5 Магидова М. Под знаком каталогов и материалов к... В.Н. Тукалевский и русская книга за рубежом: 1918—1936 гг. СПб.: Symposium; Прага: Национальная библиотека Чешской Республики, 2016.

Работа *Антуана Нивьера* «Библиотека духовного учреждения русской эмиграции: русские и славянские фонды Свято-Сергиевского института в Париже» — первая попытка научно подойти к истории библиотеки Свято-Сергиевского православного богословского института. Коллекция библиотеки, насчитывающая сегодня более 35 тысяч изданий, складывалась в результате разнообразных личностных и институциональных взаимодействий. Ее составили как переданные в дар и (реже) выкупленные частные собрания, так и фонды учреждений (часть русскоязычного фонда Русской духовной семинарии в Кишиневе, изъятых во время кампании по «румынизации», Русская библиотека Методистской миссии в Праге, потерявшая своих читателей после прекращения чехословацкой помощи русским эмигрантам, и др.). Стараниями Б.И. Сове, окончившего Институт в 1928 г., в коллекцию попали ценные издания из конфискованных большевиками библиотек религиозных учреждений бывшей Российской империи. Однако «самую драгоценную часть библиотеки» (с. 152), по мнению автора, составляют личные архивы некоторых эмигрантов первой волны, преподававших в институте.

Рива Естифеева и *Аглая Ашешова* в статье «Конец Тургеневской библиотеки? Личные свидетельства о вывозе фонда библиотеки (Париж, 1940 г.)» стараются в деталях восстановить трагический эпизод конфискации фонда знаменитой эмигрантской библиотеки. Сопоставляя опубликованные и неопубликованные мемуары, исследовательницы отделяют факты от «самооправдательных вольных реконструкций» (с. 170) и, в частности, отмечают «следы беллетризации» (с. 161) в очерке Н.Н. Берберовой «Конец Тургеневской библиотеки».

В работе *Гильема Пуссона* и *Барбары Пюэйо* «Мавзолей Андре Мазона: истоки и предназначение “библиотеки-музея” Льва Толстого» речь идет об учреждении, являющемся одновременно «библиотекой в библиотеке» (отдельным фондом в библиотеке Института славяноведения), музеем писателя и центром по изучению его творчества. Организованный А. Мазоном в 1952 г. центр был ориентирован не столько на русских эмигрантов, сколько на французских славистов и при этом открыт к диалогу с советскими учеными. Основой библиотеки-музея стали коллекции, завещанные Институту славяноведения Т.Л. Сухотиной-Толстой и Ш. Саломоном, с которыми А. Мазон был связан дружбой. Как показывает исследование, в истории библиотеки-музея межличностные отношения оказались важнее институциональных контактов, что позволяет авторам подчеркнуть «решающую роль личных связей в культурном обмене между Востоком и Западом» (с. 190).

Представленная в сборнике пестрая панорама бытования географически удаленных друг от друга и типологически разных библиотек дает возможность убедиться, что, становясь частью культурного ландшафта принимающих стран, русскоязычные библиотеки зачастую оказываются связанными между собой незримыми нитями (через лично знакомых людей или перемещающиеся коллекции), таким образом включаясь в напряженное культурное поле русского зарубежья.